
Святой страстотерпец, благоверный князь Угличский, царевич Димитрий, Московский и всея России Чудотворец ¹⁾.

В своей книжкѣ „Слѣдственное дѣло объ убіеніи Димитрія царевича въ Угличѣ 15 мая 1591 года“ И. С. Бѣляевъ пишетъ ²⁾, что подлинное слѣдственное дѣло это—узкая, высокая тетрадка въ бумажномъ зеленомъ переплетѣ, весьма тоненькая, заключающая въ себѣ 51 вилетенныхъ узкихъ же листовъ (или страницъ, такъ какъ на оборотѣ, кромѣ подписей, бумага чистая) разной длины, то во всю длину переплета—до $\frac{3}{4}$ аршина, то очень маленькихъ—не болѣе $\frac{1}{4}$ въ вышину; листки въ свою очередь состоятъ или изъ одной цѣлой склейки, или изъ двухъ, различныхъ по величинѣ. Общее число склеекъ, находящихся въ листкахъ, равняется 62. Листки въ свое время несомнѣнно заключались въ одномъ *кругломъ* столбцѣ, доказательствомъ чего служить, какъ самая форма листовъ (узкихъ и длинныхъ, употреблявшихся для этой цѣли), такъ и стремленіе ихъ принять прежнюю круглую форму. Всѣ листки, составляющіе дѣло, въ 17 столбцахъ не были перемѣнены, потому что нумерація на нихъ позднѣйшая—цифровая; дѣло не имѣетъ ни начала ни конца, главное же, оно перебито по внутренней связи, и это не случайный безпорядокъ.

Какъ извѣстно, послѣ убіенія царевича Димитрія въ теченіе какихъ-нибудь 15-ти лѣтъ, въ Россіи перемѣнились цѣлый рядъ царствованій: Феодора Иоанновича, Годунова, Лже-

¹⁾ Продложеніе. См. Январь.

²⁾ Стр. 1, 2, 3, 4.

димитрія, Шуїскаго и наконецъ Михаила Феодоровича Романова. Почти всѣ они имѣли съ слѣдственнымъ дѣломъ живую близкую связь и считать ихъ безпристрастными къ нему нельзя.

Начнемъ съ Годунова. Кто же ему мѣшалъ, спрашивается, приказать дьяку Вылузгину, по прїѣздѣ слѣдователей изъ Углича въ Москву, неудобныя склейки вынуть, а на мѣсто ихъ вклеить другія, болѣе удовлетворяющія тому, что желали отъ нихъ видѣть. Вѣдь мѣсто дѣйствія, гдѣ произошло убіеніе царевича, далеко; лицъ, бывшихъ тамъ и въ то же время безпристрастныхъ, въ Москвѣ нѣтъ, бояться во время чтенія дѣла на соборѣ некого. Самыи же столбецъ, заключающій слѣдствіе, съ виднѣющимися кой-гдѣ рукоприкладствами, для бѣлаго *внѣшняго* осмотра представлялся надежнымъ, а для внимательнаго его изученія, раскатыванія и вновь свертыванія нужны были часы времени, на что охотники на соборѣ едва-ли могли найтись. Бумажка чистая, склейки какой угодно величины подъ руками, предметъ этотъ нѣмъ, не выдастъ душевныхъ ощущеній писавшаго, основной почеркъ слѣдственнаго дѣла, которымъ написана его значительная часть, принадлежитъ или дьяку Вылузгину, или близко къ нему подходитъ, стало быть въ то еще время при царѣ Феодорѣ, до „Священнаго Собора“, была возможна такая угодно перетасовка дѣла.

Царствованіе Годунова окончилось, на престолъ всходитъ Лжедимитрій, *лицо заинтересованное* и главное въ дѣлѣ. Естественно допустить, что у него могло явиться желаніе посмотреть дѣло. Спрашиваетъ его. Смотритъ: на первыхъ листкахъ попадаетъ показаніе Михаила Нагого, *его дяди*, и въ этомъ показаніи говорится, что его, царевича, *зарѣзали*. Лжедимитрій могъ, конечно, посмѣяться и сказать: „Какъ видите, я живъ; какъ же могли меня зарѣзать? Вотъ до чего довели дядюшку, злодѣи, до какой грубой неправды: не мѣсто здѣсь такому поддѣльному показанію. И вырываетъ или рветъ склейку, оставляя въ то же время нетронутыми тѣ мѣста, гдѣ говорится, что онъ въ тычку накололся, уничтожая первое невыгодное для него по сущности показаніе и по близкому къ нему родству свидѣтеля и оставляя послѣднее, имѣющее мало правоподобія.

Лжедимитрій свергнутъ; на престолъ Шуїскій, дѣятель бо-

лѣе другихъ посвященный во все тайники слѣдственнаго дѣла, имъ руководившій. Для поддержанія и укрѣпленія своего положенія на царствѣ Шуйскому нужно болѣе свидѣтельство, что Димитрія нѣтъ на свѣтъ. Помимо принятыхъ имъ мѣръ, грамоты царицы Марфы, матери убиеннаго царевича, перенесенія мощей его изъ Углича въ Москву, Шуйскому несомнѣнно было нужно возобновить и слѣдственное дѣло, можетъ быть, нарушенное самозванцемъ, возобновить *въ томъ видѣ*, въ какомъ оно было составлено имъ самимъ при Годуновѣ, а здѣсь на первомъ планѣ должно быть показаніе Михаила Нагого, что царевича *зарѣзали* (что слѣдовательно только въ этомъ случаѣ онъ Святой, угодникъ Божій). Если въ слѣдственномъ дѣлѣ во время воцаренія Шуйскаго не было налицо показанія Михаила Нагого, то его можно вновь приклеить; возможно, что Вылузгинъ былъ еще живъ, могъ недостающее сдѣлать онъ, въ другомъ же случаѣ и царь могъ найти подходящаго писчика; возможно, что нашлись даже спасшіяся послѣ перваго Лжедимитрія части показанія Михаила Нагого, достаточно передающія главное, что царевича зарѣзали. О подписи Михаила Нагого, необходимой въ показаніи, которой, *что очень важно, нѣтъ* на дошедшихъ до насъ листкахъ, не думали, или думали, что о ней не вспомнить, такъ какъ въ это время дѣятели, болѣе или менѣе знакомые съ дѣломъ, сходили со сцены, а для другихъ, для толпы, достаточно было главнаго смысла допроса, а до такихъ подробныхъ формальностей не доберутся. И вотъ, можетъ быть, при Шуйскомъ новая редакція слѣдственнаго дѣла, вѣроятно уже послѣдняя, дошедшая и до насъ въ такомъ видѣ, т. е. безъ подписи Михаила Нагого въ показаніи.

Кромѣ того, нельзя сомнѣваться, что предъ отправленіемъ Шуйскаго съ товарищами въ Угличъ, въ началѣ слѣдственнаго дѣла должны были находиться подробности ихъ туда наряда отъ имени царя, можетъ быть, съ инструкціей имъ „чего и какъ искать“, какъ было всегда въ то время въ подобныхъ дѣлахъ. Какъ мы уже говорили, о событіи въ Угличѣ былъ въ Москву доносъ и вотъ этотъ-то доносъ, можетъ быть и очень подробный и очень краткій,—и долженъ лечь въ основаніе допросовъ, начавшихъ дѣлаться Шуйскимъ съ товарищами тотчасъ по пріѣздѣ въ Угличъ, въ осно-

ваніе всего дѣла. Ничего подобнаго, къ сожалѣнію, не сохранило дошедшее до насъ подлинное слѣдственное дѣло, а между тѣмъ эти первые вѣсти, первые звуки изъ Углича были бы очень важны для вѣрнаго пониманія послѣдующихъ.

Весьма тщательно написанный документъ, говоритъ г. Бѣляевъ ¹⁾, хранящійся въ Московскомъ иностранномъ архивѣ, есть, безъ сомнѣнія, *бѣловой* экземпляръ производства въ Угличѣ, составленнаго и написаннаго тамъ начерно, того доклада, который всегда представлялся по уголовному или другому важному дѣлу въ высшую инстанцію, доклада, замѣнившагося въ XVIII вѣкѣ „экстрактами“—также лучшихъ почерковъ и наконецъ въ XIX столѣтіи *печатными* докладами Сената и Государственнаго Совѣта. *Таковыми* бѣловымъ слѣдственное Угличское дѣло и должно было быть; подготовительныя же черновія къ нему работы, особенно допросы свидѣтелей, снимаемые на мѣстѣ съ ихъ словъ, живые и разнообразныя, при сравнительно недавнемъ появленіи гражданской скорописи, конечно, и не могли быть написанными прямо набѣло: всѣ черновые списки, вѣроятно, остались у дьяка, или же окончательно были уничтожены.

Ясно, что настоящей дѣйствительной истины въ слѣдственномъ дѣлѣ пекать очень сомнительно. Въ немъ для доклада царю Феодору Иоанновичу было написано, что царевичъ закололся самъ, играя ножемъ въ тычку въ припадкѣ падучей болѣзни, и что дьякъ Битяговскій и прочіе съ нимъ убиты народомъ совершенно невинно по наущенію Нагихъ, враждовавшихъ противъ Битяговскаго. Царь, выслушавъ докладъ, приказалъ боярамъ идти съ слѣдственнымъ дѣломъ на соборъ къ патріарху Юву, и оно прочитано было въ присутствіи всего освященнаго собора и бояръ дьякомъ Щелкаловымъ. Когда кончили чтеніе слѣдствія, митрополитъ Крутицкій всталъ и сказалъ Юву: „объявляю священному собору, что вдовствующая царица, въ день моего отъѣзда изъ Углича, призвала меня къ себѣ и слезно убѣждала смягчить гнѣвъ Государевъ на тѣхъ, которые умертвили дьяка Битяговскаго и товарищей его; что она сама видитъ въ этомъ дѣлѣ преступленіе, моля смиренно, да не погу-

¹⁾ Стр. 16.

бить Государь ея бѣдныхъ родственниковъ ¹⁾. Митрополитъ Геласій, неказивъ вѣроятно какую-нибудь просьбу несчастной матери, подалъ патріарху новую бумагу отъ имени городского угличскаго приказчика Русина-Ракова, который писалъ въ ней, что Димитрій дѣйствительно умеръ въ черномъ недугѣ, а Михайло Нагой пьяный велѣлъ народу убить невинныхъ ²⁾.

Патріархъ, выслушавъ слѣдствіе и заявленіе митрополита Геласія, сказалъ: „Предъ Государемъ Михайлы и Григорія Нагихъ и Углическихъ посадскихъ людей измѣна явная; царевичу Димитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ; а Михайло Нагой государевыхъ приказныхъ людей, дьяка Михайлу Битяговскаго съ сыномъ, Никиту Качалова и другихъ дворянъ, жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за правду, велѣлъ побить напрасно, за то, что Михайла Битяговскій съ Михайломъ Нагимъ часто бранился за Государя. За такое великое измѣнное дѣло Михайло Нагой съ братьями и мужики Угличане дошли до всякаго наказанія. Но это дѣло земское, градское, то вѣдаетъ Богъ да Государь, все въ его царской рукѣ—и казнь и ошала, и милость; о томъ Государю, какъ Богъ извѣститъ, а наша должность молить Бога о Государѣ и Государынѣ ³⁾.“

Понятно выраженіе патріарха Іова, что царевича не стало *Божьимъ* судомъ. Лицу, такъ высоко поставленному въ нравственномъ отношеніи къ русскому обществу, въ такомъ серьезномъ дѣлѣ нельзя сказать было неправды, и патріархъ очевидно высказалъ свое мнѣніе на основаніи того, что узналъ изъ слѣдственнаго дѣла, и думать, будто онъ покривилъ своею совѣстью въ угоду Годунову, совершенно неосновательно. Отвергнуть слѣдственное дѣло или недовѣрять ему Іовъ не имѣлъ никакого основанія, тѣмъ болѣе, что Крутицкій митрополитъ Геласій, бывший въ Угличѣ на слѣдствіи, засвидѣтельствовалъ предъ соборомъ отъ имени царицы о виновности Михаила Нагого съ братьями въ убіеніи Битяговскаго. Также и бояре не могли сопротивляться не только изъ страха предъ Борисомъ, но и потому, что не

1) Слѣдственное дѣло, стр. 121.

2) *ibid* стр. 121—2.

3) Слѣдственное дѣло стр. 122—3.

имѣли никакихъ данныхъ къ сопротивленію въ то время. Поступокъ патріарха характеренъ еще тѣмъ, что показываетъ, какъ всѣ замѣшанные въ дѣлѣ лица *осторожно* относились къ своимъ словамъ, тщательно ихъ взвѣсивая, изъ чего можно было видѣть, что сами слѣдователи тѣмъ болѣе старались, чтобы въ дѣлѣ не встрѣтилось ни сучка, ни задоринки. Понятно, поэтому, что они записывали и давали ходъ показаніямъ только такихъ лицъ, которыя говорили въ пользу самоубійства, пропуская или *не вклеивая* въ столбъ допросовъ тѣхъ, которыя были въ пользу Нагихъ. Не допытались, напримеръ, узнать, какъ это мы упоминали, всю подноготную у тѣхъ свидѣтелей, которые въ допросахъ объяснили, что „царевича убили, а кто не вѣдаютъ“. Въ то время въ подобныхъ важныхъ случаяхъ спину превращали въ куски мяса, жгли руки, ноги и донскивались, кто сказалъ, отъ кого слышали, хватая десятки и даже сотни оговоренныхъ лицъ. Ничего подобнаго въ дѣлѣ не видимъ, хотя въ другихъ источникахъ—лѣтописяхъ и упоминается о пыткахъ. Такимъ образомъ, не остается сомнѣнія, что все слѣдственное дѣло 1591 года было направлено къ утверженію самоубійства царевича, тогда какъ на самомъ дѣлѣ ребенокъ былъ зарѣзанъ, слѣдовательно, все слѣдствие было ложно.

Рѣчь патріарха немедленно передали Θεодору и онъ велѣлъ боярамъ „Угличское дѣло вершити“. И вотъ снова полилась кровь на пыткѣ и на плахѣ. Нагіе вышли кругомъ виноваты; Борисъ вытребовалъ ихъ изъ Углича и ихъ въ тяжкихъ оковахъ привезли въ Москву вмѣстѣ съ другими лицами, нужными для показанія; снова допрашивали, пытали крѣпко, особенно Михаила Нагого; у пытки былъ самъ Годуновъ съ боярами и Клешинымъ; но и съ пытки Нагіе говорили, что царевичъ убитъ. Не вынудивъ лжи о самоубійствѣ Димитрія, всѣхъ Нагихъ сослали въ разные отдаленные города и заточили по тюрьмамъ; царицу Марію Θεодоровну постригли въ монахини и сослали въ монастырь св. Николая на Выксѣ, въ Череповецкомъ уѣздѣ. Кормилицу Ирину Жданову вмѣстѣ съ ея мужемъ приказали взять „бережно“, наблюдая, чтобы она съ дороги не убѣжала, и привезти въ Москву; неизвѣстно, куда дѣлась эта несчастная супружеская чета. Гражданъ, объявленныхъ изменниками и убійцами невинныхъ, казнили смертью, чис-

ломъ около 200; другимъ за смѣлыя рѣчи отрубали языки, иныхъ заточили, 60 семействъ сослали въ Сибирь и засѣлили ими городъ Пелымъ ¹⁾.

Жестокая казнь, постигшая Угличанъ, доказываетъ, какъ испугался Борисъ обвиненія въ убійствѣ царевича: онъ не могъ не понимать, что подобное дѣло, совершенное слишкомъ гласно, грозитъ ему страшной опасностью. Тогда же подвергся казни и набатный колоколъ, въ который звонили при убіеніи царевича; его приказано было сбросить съ колокольни и, на площади „неблагоклонно надъ нимъ учинивъ“, лишивъ крестнаго знаменія,—вырвать у него языкъ, отрубить одно ухо, наказать 12 ударами плети и сослать въ Тобольскъ ²⁾. Съ тѣхъ поръ славный и многолюдный Угличъ

¹⁾ Лѣтопись о многихъ мятежахъ, стр. 26 Акты Арх. Экспед. № 3, № 159 и № 150.

Гор. Пелымъ нынѣ не существуетъ, а имѣется только село съ волостнымъ правленіемъ.—Пелымъ начатъ постройкою по царскому наказу 1592 г. на сѣверномъ берегу р. Тавды, впадающей въ Тоболь ниже устья рѣки Пелыма...—Описаніе Сибирскаго царства, Миллера, стр. 226—245.

²⁾ Съ прибытіемъ колокола въ Тобольскъ, онъ былъ сланъ приказною избѣ Сибирскаго воеводы, и записанъ въ статейный списокъ „первымъ ссыльнымъ колоколомъ“. Колоколъ этотъ много лѣтъ мытарствовалъ въ оградѣ Благовѣщенской церкви. За смертью Бориса Годунова сибирскій воевода разрѣшилъ помѣстить его на колокольнѣ церкви Спаса, что на Торгу. Въ 1837 году архіепископъ Тобольскій и Сибирскій Афанасій для отличія его отъ прочихъ колоколовъ, приказалъ учинить на немъ надпись слѣдующаго содержанія: „сей колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи Благовѣрнаго царевича Дмитрія, въ 1593 г. присланъ изъ города Углича въ Сибирь въ ссылку, въ городъ Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что на Торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ. Вѣсу въ немъ 19 п. 20 фун.“ Послѣ пожара въ церкви Спаса, колоколъ этотъ находился безъ всякаго употребленія въ верхнемъ ярусѣ Софійскаго собора. Въ 1837 году въ Тобольскъ ожидали Наслѣдника Престола Александра Николаевича. Преосвященный Афанасій колоколъ этотъ, какъ рѣдкость, перемѣстил въ особо устроенную часовню, гдѣ онъ и былъ удостоенъ особаго вниманія Его Высочества. Ссылный колоколъ, находясь въ Тобольскѣ почти 300 лѣтъ, впоследствии былъ перемѣщенъ въ Историческій Тобольскій музей. Угличане, дорожа историческимъ памятникомъ, еще въ 1849 году возбудили ходатайство о возвращеніи колокола въ Угличъ, но ходатайство это не имѣло успѣха. Въ 1887 году уроженецъ г. Углича Л. Ф. Соловьевъ предпринялъ ходатайство предъ Государемъ Императоромъ о возвращеніи ссыльнаго колокола въ Угличъ и въ 1892 году по Высочайшему повелѣнію онъ возвращенъ въ родной Угличъ и помѣщенъ во дворцѣ Св. царевича Ди-

„запустѣ“, говорить дѣтонисецъ въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣляхъ обличителей его злодѣянія. За то особыхъ милостей удостоены были Годуновымъ мертвые и живые пособники. Тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и его клеветовъ, кинутыя народомъ въ яму, были извлечены, отпѣты въ церкви и преданы землѣ съ великою честію. Награждены были щедро и оставшіеся въ живыхъ; гнусной мамкѣ Волоховой, также женѣ и дочерямъ Битяговскаго даны были богатая земля и помѣстья; думные мужики и знатные совѣтники Бориса, послушные ему, были удостоены особенной милости, почестей и угощенія щедрого; не могъ Борисъ успокоить только одного Клешиина, который, спустя нѣсколько лѣтъ, умеръ схижникомъ, терзаемый угрызениями совѣсти. Замѣчательно, что и митрополитъ Геласій вскорѣ преждевременно умеръ.

Но напрасно и рано Годуновъ торжествовалъ, надѣясь изгладить слѣды своего злодѣянія. Набатный звонъ рокового колокола, огласившій злодѣйство 15 мая въ Угличѣ, не забылся и точно еще продолжалъ гудѣть въ ухахъ на всѣхъ концахъ земли нашей... Вскорѣ лазутчики Годунова услышали, что въ народѣ въ полголоса передается неуловимая молва о страшномъ закланіи царевича и тайномъ виновникѣ этого чернаго дѣла; видно, не молчали объ этомъ несчастные страдалцы ни въ Угличѣ, ни по дорогѣ въ Пельымъ, ни въ разныхъ ссыльныхъ городахъ, если она уже носилась надъ столицей. Эта молва народная, какъ голосъ Бога, была предвѣстникомъ многихъ бѣдъ на Бориса. Чтобы заглушить эту молву, Борисъ выказалъ необыкновенную дѣятельность, но молва пресѣдовала его вездѣ, омрачала всѣ его благодѣянія, даже блестящія дѣла; цѣплялась за всѣ обстоятельства, сколько-нибудь къ нему прикосновенныя. Такъ, напримѣръ, когда вскорѣ послѣ убіенія царевича, въ началѣ іюня, вспыхнулъ въ Москвѣ большой пожаръ, истребившій Бѣлый городъ, въ народѣ прямо стали

митрія. Граждане Тобольска, желая сохранить память пребыванія колокола въ Тобольскѣ, въ замѣнъ возвращеннаго помѣстили въ Музеѣ копію изъ бумажной массы, сдѣланную г. Ляхмайеромъ для Екатеринбургской выставки.—Дѣло о возвращеніи ссыльнаго колокола въ г. Угличъ, въ Угличскомъ Музеѣ Св. Царевича Дмитрія.

говорить, что Годуновъ нарочно поджегъ городъ, дабы заставить царя Θεодора, бывшаго у Троицы, скорѣе вернуться въ Москву и отвлечь отъ поѣздки въ Угличъ, куда будто бы онъ собирался ѣхать для личнаго разслѣдованія о смерти царевича; народъ думалъ, что царь не оставитъ такого важнаго дѣла безъ личнаго изслѣдованія,—и ждалъ правды. Слухъ былъ такъ силенъ, что Годуновъ почелъ нужнымъ опровергнуть его въ Литвѣ чрезъ посланника Ислѣвьева, который получилъ такой наказъ: „Если стануть спрашивать про пожаръ Московскій, то нужно тебѣ говорить, что тебѣ въ это время не случилось быть въ Москвѣ, но что злодѣями оказались люди Нагихъ; а если кто скажетъ, что есть слухъ, будто зажгли люди Годунова, то отвѣчать: это какой-нибудь воръ, бездѣльникъ, сказывалъ; лихому человѣку воля это затѣвать, а Годуновы — бояре именитые, великіе“ 1). Когда же Борисъ сталъ слишкомъ щедро помогать погорѣльцамъ, и эту щедрость истолковали въ смыслѣ занесиванія предъ народомъ все по причинѣ того же преступленія. Вслѣдъ затѣмъ случилось нашествіе на Москву татаръ. Опять разнеслась молва, будто Годуновъ нарочно привелъ татаръ, чтобы отвлечь всеобщее вниманіе отъ убіенія царевича Дмитрія.—Эти слухи сильно раздражали Годунова: начались розыски о говоренныхъ, пытали, рѣзали имъ языки, морили въ темницахъ. Борисъ ненавидѣлъ людей, висока смотрѣлъ на нихъ и, повидимому, твердо вѣрилъ, что силою и страхомъ можно управлять ими, какъ угодно, заставляя говорить и молчать по своему желанію. Въ царствованіе Θεодора Іоанновича ему удалось устранить еще одного, казавшагося ему опаснымъ претендентомъ на престоль, это такъ называемаго „Тверскаго царя“ Симеона Бекбулатовича. Это былъ крещеный татарскій ханъ, носившій титулъ царя и великаго князя въ царствованіе Грознаго; по волю его дѣйствительно царствовалъ въ Москвѣ. Въ началѣ царствованія Θεодора Іоанновича Симеонъ Бекбулатовичъ упоминается еще въ разрядахъ съ именемъ царя Тверскаго и первенствуетъ предъ боярами; но потомъ лѣтопись говорить, что его свели въ село Кушалнио Тверской губерніи, дворовыхъ людей у него было немного, „и живяше въ ску-

1) Исторія Россіи, Соловьева т. VII, 678.

дости“; наконецъ онь ослѣпъ, и въ этомъ лѣтописецъ прямо обвиняетъ Бориса ¹⁾. Что Семенъ Бекбулатовичъ дѣйстви- тельно оказался опаснымъ въ глазахъ Годуновыхъ, это видно изъ формы присяги на вѣрность Θεодору Борисовичу Годунову, въ которой были между прочимъ слѣдующія слова: „также мнѣ Семіона Бекбулатова и иного кого на Москов- ское государство нехотѣти и съ нимъ не знаться и не дру- житься и не ссылатся грамотами“ и проч. ²⁾.

Въ 1592 году у царицы Ирины Θεодоровны родилась дочь Θεодосія, и тотчасъ же разнеслась молва, что Годуновъ, вѣ- роятно, подмѣнилъ младенца сына—дочерью. Когда вскорѣ Θεодосія скончалась, стали говорить, что Борисъ уморилъ новорожденную царевну; наконецъ, когда чрезъ пять лѣтъ на крещеньевъ вечеръ 1598 года скончался и царь Θεодоръ Іоанновичъ, молва народная и тутъ не пощадила Бориса, обвиняя его въ смерти самого царя.

По смерти Θεодора осталась государынею его супруга Ирина Θεодоровна, которой тотчасъ же весь „царскій сиг- клитъ“ съ ея братомъ, правителемъ Борисомъ, во главѣ при- несъ присягу въ присутствіи патріарха. Если бы Ирина за- хотѣла удержать власть за собою, никто бы ей не могъ пре- кословить. Все государство признало ея права и власть; ея именемъ отдавались приказанія; на имя царицы Ирины, а затѣмъ въ иночествѣ Александры, писались отписки въ Москвѣ и городахъ, до нарѣченія на царство Бориса моли- лись на ектеніяхъ за царицу. Но Ирина, мучимая сознани- емъ, что ею единою „царскій корень конецъ пріять“, не по- желала остаться на осиротѣвшемъ престолѣ и ушла въ мо- настырь. И лишь тогда, когда совершилось отреченіе отъ престола и постриженіе въ иночество вдовы—государыни, въ Москвѣ открылось междуцарствіе и началось исканіе царя. Соборъ, руководимый патріархомъ, единогласно па- рекъ Бориса царемъ и многократными просьбами и настоя- ніями вынудилъ его принять избраніе. А между тѣмъ были люди, которымъ воцареніе Бориса не могло быть пріятно и они, со своей стороны, принимали мѣры. Есть извѣстіе, говорить (С. Ѡ. Платоновъ ³⁾), что Московскіе вельможи уже въ концѣ

¹⁾ *ibid.* 680.

²⁾ *ibid.* 765. Собраніе госуд. грам. II, 192 и слѣд.

³⁾ Очерки по исторіи Смуты, стр. 172.

1593 года обсуждали потихоньку планъ возведенія на Московскій престолъ послѣ бездѣтнаго Феодора Іоанновича Австрійскаго Эрцгерцега Максимилиана. Кромѣ того, называли претендентами на царскій санъ князя О. И. Мстиславскаго; Ѳ. Н. Романова и Б. Я. Бѣльскаго.

Въ Московскомъ обществѣ очень рано создалось преданіе о томъ, что Годуновъ спрашивалъ умирающаго царя, въ присутствіи царицы Ирины и Феодора Никитича Романова, кому быть на царскомъ престолѣ, надѣясь, что царь назоветъ его самого. Но Феодоръ отвѣтилъ ему: „ты не можешь быть великимъ княземъ, если только не выберутъ тебя единодушно; но я сомнѣваюсь, чтобы тебя избрали, такъ какъ ты низкаго происхожденія“ ¹⁾ и царь указалъ на Феодора Никитича, какъ на вѣрнѣйшаго своего преемника, давъ ему при этомъ совѣтъ, если его изберутъ на царство, удержать при себѣ Бориса, какъ умнѣйшаго совѣтника. Царь Феодоръ предъ смертью передалъ или желалъ передать Романову свою корону и скипетръ въ знакъ того, что завѣщаетъ ему царство. То обстоятельство, что Романовы не воцарились въ 1598 году, объяснялось, какъ козни и „преткновеніе Бориса“, который будто бы выхватилъ скипетръ изъ рукъ умирающаго государя. Разсказывающіе эту исторію выразили сначала увѣренность, что царемъ будетъ Феодоръ Романовъ, такъ какъ за него стоятъ вельможи, какъ за царскаго родственника. Кровная связь была сильнѣйшимъ шансомъ Никитичей. Не мудрено, что о нихъ и о возможномъ воцареніи старшаго изъ нихъ держались такіе упорные и для Годунова оскорбительные слухи.

О другихъ возможныхъ соперникахъ правителя Бориса Феодоровича говорили гораздо менѣе. Особенно мало было шансовъ у царскаго оруженнаго Б. Я. Бѣльскаго, послѣдній же изъ соперниковъ Бориса кн. Ѳ. И. Мстиславскій имѣлъ гораздо болѣе данныхъ считаться въ числѣ претендентовъ. Его бабка была двоюродною сестрою Ивана Грознаго, а отецъ бывалъ неизмѣнно первымъ среди бояръ этого царя: но бояре не высоко цѣнили породу Мстиславскихъ.

Такимъ образомъ, въ рѣшительную минуту царскаго избранія, когда Борису оставалось сдѣлать послѣдній шагъ

¹⁾ Очерки по Исторіи Смуты, стр. 178 и слѣд.

къ такой завѣтной цѣли, къ которой онъ давно и такъ обдуманно приближался, Борисъ долженъ былъ узнать, что общественное мнѣніе не его одного прочить въ царя.

Поставленный лицомъ къ лицу съ своими противниками, Годуновъ не могъ, не роняя достоинства своей власти и не вредя самому себѣ, мстить имъ за то, что они могли быть сами избраны вмѣсто него. Годуновъ не уронилъ себя до того, чтобы тотчасъ рѣшиться на низкую мечь, но не былъ въ состояніи и совѣмъ отъ нея отказаться. Онъ ждалъ случая, который бы помогъ ему предъявить соперникамъ какое либо серьезное обвиненіе, и, дождавшись, не пощадилъ ихъ. Бѣльскій пострадалъ по тому поводу, что неосторожно держалъ себя въ построенномъ имъ по порученію Бориса, городѣ Царевѣ-Борисовѣ: онъ говорилъ, что царь Борисъ на Москвѣ царь, а онъ царь въ Царевѣ Борисовѣ. Такъ по крайней мѣрѣ было донесено Борису. Бѣльскаго схватили, лишили сана, конфисковали его имущество и, наконецъ, подвергли позорной казни, какою казнили „по градамъ“ злодѣевъ и разбойниковъ, то есть тѣлесному наказанію. Унизивъ такъ „желателя царства“, Борисъ сослалъ его въ пизовые города въ тюрьму ¹⁾.

Такого же рода подозрѣніе погубило семью Романовыхъ. Одинъ изъ холопей Александра Никитича Романова донесъ, какъ говорятъ, облыжно, что его государь Александръ Никитичъ держитъ у себя „корень“. Это корень холопецъ подложилъ будто бы въ хозяйскую казну. Корень нашли, Романовыхъ арестовали, допрашивали, даже приводили къ пыткамъ и князя Ивана Черкаскаго съ ними. Родню Романовыхъ: Черкасскихъ, Сицкихъ, Репниныхъ, Шестунова, Карповыхъ, Шереметьевыхъ также привлекли къ дѣлу. Допрашивали и пытали ихъ холоповъ. Образовался, словомъ, обширнѣйшій розыскъ, для котораго пресловутое коренье послужило, очевидно, только точкою отправленія. Невозможно допустить, чтобы одни волшебные кореньки, безъ другихъ уликъ, послужили достаточнымъ основаніемъ для обвиненія цѣлага родственнаго круга лицъ, принадлежавшихъ къ высшему слою служилаго класса, лицъ вліятельныхъ и популярныхъ, связанныхъ узами кровнаго родства съ только что угасшею

¹⁾ *ibid.* 186.

династією, къ которой Борисъ исповѣдывалъ такую благоговѣйную преданность. Очевидно, что Годуновъ съ его думцами боярами доискивался чего то болѣе серьезнаго, чѣмъ корешки. Одни корешки въ казнѣ Александра Никитича не привели бы къ царской опалѣ все „племя“ виновнаго, какъ строго не выдерживали свойственныи тому времени принципъ групповой отвѣтственности. Происшедшее одновременно съ опалою Романовыхъ удаленіе В. Щелкалова, всегда близкаго къ племени Никиты Романовича, указываетъ на то, что предметомъ обвиненія служило не простое вѣдовство, а нѣчто болѣе сложное, выходящее за предѣлы личнаго или узко-семейнаго проступка. На то же намекаетъ и инструкція, данная приставамъ съ осужденными „измѣнниками“ въ мѣста ихъ ссылки,—писать къ государю про тайныя государевы дѣла, что проявится отъ его государственныхъ злодѣевъ и измѣнниковъ. Причину преслѣдованія Романовскаго кружка выясняютъ, хотя и не вполне, документы, относящіеся къ позднѣйшимъ годамъ. Въ 1605 году правительство Бориса, объявляя народу о войнѣ съ самозванцемъ, называло самозванца Гришкою Отрепьевымъ и указывало между прочимъ на то, что Гришка „жилъ у Романовыхъ во дворѣ“. Въ 1606—1607 годахъ посольство царя Василія Шуйскаго официально заявило въ Польнѣ о Гришкѣ, что онъ „былъ въ холоцехъ у бояръ у Никитиныхъ, дѣтей Романовича и у князя Бориса Черкаскаго и, заворовався, постригся въ чернецы“. Какъ бы повторяя эти правительственныя указанія, одно изъ частныхъ сказаній присоединяетъ къ нимъ интереснѣйшую подробность. О томъ, что Гришка „утаился“ отъ царя Бориса въ монастырь и постригся, оно рассказываетъ въ прямой связи съ дѣломъ Романовыхъ и Черкасскихъ и прибавляетъ, что Гришка „ко князю Борису Келбулатовичу (Черкасскому) въ его благодатный домъ часто приходилъ и отъ князя Ивана Борисовича честь приобрѣталъ, и тоя ради вины на него царь Борисъ негодова“. Дѣйствительно, по дѣлу о ссылкѣ Романовыхъ и новому лѣтописцу видно, что князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій былъ въ числѣ наиболѣе заподозрѣнныхъ и сношенія съ нимъ Гришки могли навлечь на послѣдняго негодованіе Бориса ¹⁾.

¹⁾ *ibid.* стр. 187 и слѣд.

Романовы, очевидно, не мирились съ воцареніемъ Бориса и увлекали за собой въ оппозицію и другія семьи. Въ нѣдрахъ этой оппозиціи, по всей видимости, зрѣла и мысль о самозванцѣ. Олицетворивъ собою идею, бродившую въ Московскихъ умахъ уже во время царскаго избранія въ 1598 году, и снабженный хорошими свѣдѣніями о прошломъ подлиннаго царевича, очевидно, изъ освѣдомленныхъ круговъ, самозванецъ могъ достигъ успѣха и пользоваться властью только потому, что его желали привлечь въ Москву владѣвшіе положеніемъ дѣлъ бояре. Но съ другой стороны бояре могли это сдѣлать только потому, что самозванецъ имѣлъ православно-русскій обликъ и народу казался своимъ московскимъ человѣкомъ. Если подготовку самозванца, говоритъ С. Ѡ. Платоновъ, можно приписать тѣмъ боярскимъ родамъ, во дворахъ которыхъ служилъ Григорій Отрепьевъ, то успѣхъ и окончательное торжество самозванца должно относить уже не на счетъ только этого круга, а на счетъ вообще всѣхъ тѣхъ боярскихъ и иныхъ кружковъ, которые стали стремиться къ политической дѣятельности въ государствѣ, потерявшемъ съ династіей и устойчивость политическаго порядка.

Во всѣхъ русскихъ извѣстіяхъ Григорій Отрепьевъ называется сыномъ боярскаго сына, честнѣйшаго стрѣлцаго сотника Богдана Отрепьева. Родился онъ въ Галицкой области, въ волости Борокъ. Но сказанія о первыхъ годахъ его жизни разнорѣчатъ между собой. По однимъ онъ воспитывался отцемъ и матерью; въ немъ замѣчаютъ дурныя наклонности и для исправленія его отдають въ монастырь; по другимъ онъ лишается отца въ младенчествѣ, воспитывается въ холопѣхъ у Романовыхъ и Черкасскихъ и потомъ самъ, по внушенію основателя Вятскаго монастыря св. Трифона, постригается, имѣя 14 лѣтъ отъ роду. Нельзя не признать, что ни Годуновъ, ни Шуйскій, ни Романовы не сдѣлали попытокъ пролить свѣтъ на первоначальное происхожденіе Григорія Отрепьева. Всѣ оффиціальныя извѣстія направлены только къ объясненію исторіи бѣжавшаго Отрепьева за границу и его походовъ. Для Годунова, конечно, нуяно было доказать, что именно монахъ, назвавшійся Григоріемъ Отрепьевымъ, принялъ на себя имя царевича Димитрія. Предшествующая его судьба не представляла

интереса. Послѣ низверженія самозванца, когда многіе узнали въ немъ Григорія Отрепьева, увѣренность въ этомъ сдѣлала, по видимому, ненужнымъ дальнѣйшее изслѣдованіе объ Отрепьевѣ. Есть свидѣтельство Авраамія Палицына, что самозванца обличали его мать, Варвара, его дядя и его братъ; но, конечно, это свидѣтельство относится не къ тому времени, какъ самозванецъ вступилъ въ Москву. Если мать Димитрія царевича признала самозванца своимъ сыномъ, то осмѣлилась ли бы явиться мать Отрепьева? Думается, что если бы нужно было самозванцу имѣть показаніе матери Отрепьева, онъ сумѣлъ бы заставить ее дать показаніе благопріятное для себя. Материнская любовь и безъ принужденія заставила бы ее отречься отъ сына, чтобы утѣшиться его величіемъ. Едва ли и Годуновъ, отыскивая свѣдѣнія объ Отрепьевѣ, обращался къ его матери; ибо для него достаточно было показаній дяди Отрепьева, Смирнаго Отрепьева. Масса говоритъ ⁵⁾, что уже послѣ гибели самозванца отысканы были отецъ и мать Отрепьева, бѣдные люди, говорившіе, что самозванецъ былъ ихъ сынъ, и что онъ, по вступленіи на престолъ, всѣхъ своихъ родственниковъ, въ числѣ шестнадцати человекъ, велѣлъ содержать въ тюрьмѣ подъ крѣпкою стражею. Очевидно, Масса рассказываетъ недостоверныя слухи, ибо отца Отрепьева давно не было въ живыхъ, и заключать Отрепьевыхъ въ тюрьму скорѣе могъ Годуновъ, нежели самозванецъ, который такимъ поступкомъ только возбудилъ бы противъ себя подозрѣніе. Сопоставляя свидѣтельство Массы со свидѣтельствомъ Авраамія Палицына, мы должны признать, что при вступленіи Шуйскаго на престолъ были попытки отобрать свѣдѣнія объ Отрепьевѣ у его матери. Но могла ли какая нибудь Варвара Отрепьева, жившая въ Галицкой области и не выдавшая самозванца царемъ, утверждать, что вступилъ на престолъ и погибъ дѣйствительно ея сынъ? Она могла сказать только объ Отрепьевѣ въ его юности, о чертахъ лица его и т. п. Потому-то ни Годуновъ, ни Шуйскій не ссылаются на свидѣтельство матери Отрепьева.

Но если Отрепьевы не могли выступить обличителями перваго самозванца, все-таки отъ нихъ можно было допытаться болѣе подробныхъ свѣдѣній о Григоріи Отрепьевѣ до его

⁵⁾ Масса стр. 112.

бѣгства за границу. Этихъ свѣдѣній мы нигдѣ не встрѣчаемъ. Какъ правительство Шуйскаго, такъ и правительство Михаила Ѳеодоровича, какъ бы умышленно избѣгали уясненія этого вопроса; по крайней мѣрѣ попытки уяснить этотъ вопросъ остались неизвѣстны. Въ сказаніи Массы и Авраамія Палицина есть указаніе, что попытки эти были, но почему то признано нужнымъ умолчать объ нихъ.

Это обстоятельство, говорить П. С. Казанскій¹⁾, приводитъ насъ къ предположенію, которое многое можетъ объяснить въ исторіи перваго самозванца. Григорій Отрепьевъ не былъ сынъ Богдана Отрепьева, но побочный сынъ какого-то знатнаго лица, приписанный къ семейству Отрепьева, чтобы дать ему имя. Что такое свѣдѣніе было у правительства, видно изъ словъ Де-Ту²⁾, что Борисъ требовалъ отъ Сигизмунда выдачи живымъ или мертвымъ мнимаго Димитрія, незаконно рожденнаго сына поповеннаго. Грамоты Бориса подобнаго содержанія не дошли до насъ, но Де-Ту историкъ осмотрительный, и заноса въ свою записку это извѣстіе, оптимѣль, безъ сомнѣнія, какое-нибудь свѣдѣніе заслуживающее довѣрія. У Бареццо-Берреци также говорится³⁾: Борисъ утверждалъ, что Димитрій сынъ священника и обманщикъ. Эхомъ этого извѣстія служатъ сказанія Буссова и Маржарета⁴⁾ о двойствѣ, такъ сказать, Отрепьева. Этимъ объясняется и то, почему не хотѣли выяснить свѣдѣнія объ Отрепьевѣ въ его юности. Отсутствие этихъ свѣдѣній оставило нѣкоторую печать таинственности на происхожденіе Лжедимитрія. Съ дѣтства онъ жилъ при боярскихъ домахъ, частію Бориса Черкаскаго, частію Романовыхъ, которыхъ имѣніе находилось въ волости Борокъ, или близъ нея, верстахъ въ двадцати отъ монастыря Іоанна Предтечи, что на Желѣзномъ Борку. Въ юности онъ получилъ образованіе гораздо высшее, нежели какое могъ получить сынъ стрѣлецкаго сотника. Хронографы признаютъ и его образованность и его быстрыя способности, такъ что только наученіемъ отъ бѣса находятъ возможнымъ объяснить его познанія⁵⁾. Изъ всего

¹⁾ Исслѣдов. о личности Лжедимитрія Русс. Вѣст. 1877 кн. 9.

²⁾ Сказаніе Современ. о Димитрія Самозванцѣ ч. III стр. 133.

³⁾ Чт. Общ. Истор. и Др. 1847 г. № 5, отд. 3, стр. 8.

⁴⁾ Стр. 103 и др.

⁵⁾ Собравіе Государ. Грам. и догов. т. 2, стр. 214.

можно заключить, что принявшій имя Григорія Отрепьева былъ избалованный мальчикъ, живой и воспріимчивый, знавшій о томъ, что онъ не сынъ Отрепьева, хотя, можетъ быть, и не знавшій о томъ, кто именно были его родители. Недовольство своимъ положеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ впечатлительность характера побудили его подъ вліяніемъ наставленій Трифона Вятскаго ¹⁾, извѣстнаго своею подвижническою жизнью и по смерти причисленнаго къ лику святыхъ, принять постриженіе въ монашество. Трифонъ Вятскій, какъ можно заключать по жалованнымъ грамотамъ, даннымъ по его ходатайству, приходилъ въ Москву въ 1588, 1589, 1595 и 1597 годахъ ²⁾. Отправляясь въ Москву изъ имѣнія Строганова, гдѣ перѣдко бывалъ Трифонъ, онъ долженъ былъ проходить мимо Желѣзно-Боровскаго монастыря и имѣнія Романовыхъ, и Отрепьевъ тутъ могъ съ нимъ встрѣтиться. Трифонъ постригъ Отрепьева, вѣроятно, въ 1595 году; потому, что Отрепьевъ до постриженія усидѣлъ уже пожить у Романовыхъ Никитичей, слѣдовательно по смерти ихъ отца, бывшей въ 1586 году; и Трифонъ архимандритомъ Вятскаго монастыря поставленъ былъ уже отъ Патріарха Іова, слѣдовательно послѣ 1589 года. Этимъ приблизительно опредѣляется и возрастъ Отрепьева и опровергается извѣстіе Маржарета, которое онъ называетъ доказаннымъ, что растригъ Отрепьеву въ 1605 году долженъ быть отъ 35—38 лѣтъ. Предположивъ постриженіе 14-лѣтняго Отрепьева въ 1595 г., въ 1605 году мы должны считать ему 24 года, что сходится съ показаніемъ Маржарета о годахъ самозванца, которому въ 1605 году даетъ онъ 24 года ³⁾. Если же отнести постриженіе его къ 1589 году, то и тогда Отрепьеву было бы только 30 лѣтъ; эти года самозванцу при его вступленіи на престолъ даетъ БуССовъ. Имѣетъ значеніе и то обстоятельство, что передавшіе извѣстіе о постриженіи Отрепьева Трифономъ Вятскимъ не находили никакой хронологической несообразности утверждать, что этотъ Отреп-

1) Нѣкоторымъ казалось несообразнымъ съ честию Трифона Вятскаго постриженіе имъ въ монахи Отрепьева, и потому Новый лѣтописецъ говоритъ „не вѣмъ отъ кого постриженъ“.

2) Житіе препод. Трифона. Казань 1868.

3) Сказ. соврем. о Д. Самозв. т. III стр. 105.

евъ былъ первымъ Лжедимитріемъ. Это одно обличаетъ несостоятельность возраженій Бицына противъ личности Лжедимитрія, заимствованныхъ изъ извѣстій о постриженіи его Трифономъ ¹⁾.

Монашество не дало покоя подвижной натурѣ Отрепьева. Подъ вліяніемъ перваго порыва юношескаго благочестія, возбужденнаго бесѣдой съ Трифономъ, онъ, можетъ быть, искалъ строгой иноческой жизни и, не находя ея, переходилъ изъ монастыря въ монастырь. Онъ, наконецъ, останавливается въ Чудовомъ монастырѣ, гдѣ удостоивается сана діакона, а патріархъ, замѣчая его смысленность и хорошій почеркъ, беретъ его къ себѣ для занятія письменными дѣлами. Сохранилось сказаніе, что живя въ Москвѣ, Отрепьевъ часто приходилъ къ князю Черкасскому Борису и былъ чтимъ и любимъ его сыномъ Иваномъ ²⁾.

Пользуясь милостью патріарха, Отрепьевъ часто съ нимъ ѣздилъ во дворець. Здѣсь, пораженный великолѣпіемъ обстановки и жизни царской, Григорій съ жадностью вслушивался въ рассказы о всѣхъ придворныхъ обычаяхъ и зорко присматривался ко всѣму дворцовому обиходу. Съ завистью глядѣлъ онъ на придворную жизнь и вслушивался съ любопытствомъ въ некрепкія и тайныя бесѣды царедворцевъ о дѣлахъ государства и особенно о судьбѣ царевича Димитрія. Замѣчено было, что самъ онъ разспрашивалъ о подробностяхъ его смерти въ Угличѣ, прилежно читалъ лѣтописи и велъ свои записки.

Зная думы и чувства народа и бояръ относительно Бориса, общее умиленіе предъ памятью царевича страстотерца, онъ какъ бы въ шутку однажды проговорился и похвастался

¹⁾ По житію св. Трифона видно, что онъ еще былъ въ Москвѣ въ 1607 году, когда князю Воротынскому предсказалъ о рожденіи у него черезъ годъ сына Алексѣя, на крестинахъ котораго, какъ гласитъ молва, отравленъ Скопинъ-Шуйскій. Можетъ быть Трифона вызывали, чтобы отобрать у него свѣдѣнія о постриженіи Отрепьева.

²⁾ Сказанія о еже содѣяся въ царст. градѣ Москвѣ. Чт. Общ. Ист. и Древа. Рос. 1847 г. № 95 стр. 4. Это свѣдѣніе составитель сказанія получилъ, вѣроятно, отъ князя Ивана Борисовича Черкаскаго и оно можетъ быть признано сильнымъ доказательствомъ того, что первый Лжедимитрій былъ Григорій Отрепьевъ. Только посѣщенія эти нужно относить уже къ тому времени, когда Отрепьевъ жилъ въ Чудовѣ—П. С. Казанскій Р. Вѣсти. 1877 г. № 9 ст. 29, стр. 192.

Чудовскимъ монахамъ: „увидите, буду и я царемъ въ Москвѣ“. Объ этомъ донесено было Борнеу, который приказалъ дьяку Смирному сослать Отрепьева подѣ крѣпкимъ присмотромъ въ Кирилловъ монастырь; но должно быть, недруги Бориса, сильные люди, внушившіе ему злую мысль о самозванствѣ, спасли его: дьякъ Смирный, тронутый просьбами другого дьяка, царскаго указа не исполнилъ и Отрепьевъ въ ссылку не пошелъ. Въ это время польскимъ посломъ въ Москвѣ былъ Левъ Сапѣга, и Отрепьевъ, состоя при патриархѣ, могъ войти въ сношеніе съ нимъ и убѣдиться, что въ Польшѣ можно найти себѣ поддержку, убѣжалъ изъ Москвы и, побродивши по разнымъ монастырямъ, онъ опять вернулся въ Москву и отсюда въ 1602 году вмѣстѣ съ двумя чернецами Варлаамомъ и Мисаиломъ направился къ Литовской границѣ, сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Польшу. Въ Кіевѣ они были приняты въ Печерскомъ монастырѣ, прожили здѣсь три недѣли и отправились въ городъ Острогъ, къ тамошнему владѣльцу, князю Константину. Сохранилась въ Загорскомъ монастырѣ, Волынской губерніи, книга „Василій Великій“ съ слѣдующею надписью: „Лѣта отъ сотворенія миру **✠**Зрї (7110) мѣсяца августа въ **Дї** (14) день сію книгу Великаго Василія дать намъ Григорію збратію съ Варлаамомъ Константиномъ Константиновичемъ, нарѣченный во святомъ крещеніи Василіемъ Божіею милостію превѣтлое княже Острожское, воевода Кіевскій ¹⁾. Подѣ словомъ Григорій внизу надписано тою же рукою, но нѣсколько другими чернилами: „царевичу Московскому“. Эта подпись подѣ именемъ Григорія—царевича Московскій—была, можетъ быть однимъ изъ первыхъ дѣйствій пропаганды въ пользу его. Почеркъ подписи не сходенъ съ извѣстнымъ намъ почеркомъ Лжедмитрія; она сдѣлана кѣмъ-либо изъ спутниковъ. Во всякомъ случаѣ эта подпись есть свидѣтельство, что Григорій Отрепьевъ дѣйствительно былъ у князя Острожскаго въ 1602 году и что именно этотъ Григорій сталъ послѣ считаться царевичемъ Дмитріемъ. Проведя лѣто въ Острогѣ, Варлаамъ и Мисаиль отосланы были княземъ Константи-

¹⁾ Извѣстіе о сей подписи и снимокъ съ нея напечатаны въ Зап. Импер. Архел. Общ. т. 8, переч. засѣд., стр. 56—73. П. С. Казанскій Р. Вѣств. 1877 года кн. 8, стр. 492.

номъ въ Троицкіи Дерманскій монастырь, а Отрепьевъ отправился съ близкимъ князю Острожскому паномъ Гайскимъ; здѣсь онъ сбросилъ съ себя монашеское платье и какъ мірянинъ поступилъ въ школу, занимался разными воинскими упражненіями въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ, на что болѣе всего обращали вниманіе при воспитаніи въ панекныхъ дворахъ, научился нѣсколько латинскому и польскому языкамъ и вообще усвоилъ обычаи образованнаго шляхтича. Оставивъ Гайскихъ, онъ опредѣлился на службу къ знатному пану Адаму Вишневецкому, который по обычаю польской знати, держалъ у себя громадную дворню, владѣя множествомъ имѣній, велъ разгульную жизнь, задавалъ шпы и радъ былъ пуститься на всякое удалое предпріятіе. Здѣсь онъ имѣлъ случай объявить, что онъ сынъ усопшаго великаго князя Московскаго Ивана, царевичъ Дмитрій, что Годуновъ составилъ заговоръ съ цѣлью убить царевича, чтобы самому занять русскій престолъ послѣ смерти бездѣтнаго царя Теодора, но отъ смерти спасъ его докторъ, положивъ на постелю его другого мальчика, который въ Угличѣ ночью и былъ зарѣзанъ; послѣ этого онъ росъ у доктора; узнавъ о своей судьбѣ и о своемъ происхожденіи, онъ не считалъ себя въ достаточной безопасности и потому скрылся въ монастырь и жилъ между чернецами; впоследствии явился въ Москву, гдѣ нѣсколько времени находился предъ глазами самого Бориса и затѣмъ убѣжалъ въ Польшу. Ясно, что Самозванецъ въ началѣ появленія своего въ Польшѣ съ именемъ царевича Дмитрія не скрывалъ того, что онъ подъ именемъ Григорія Отрепьева укрывался въ Россіи. Иначе, для чего бы ему рассказывать свои похождения такъ, что въ нихъ повторялась исторія Отрепьева ¹⁾.

¹⁾ Слова Лжедмитрія о своемъ спасеніи точно повторяетъ Марина Мнишекъ въ своемъ дневникѣ путешествія въ Москвѣ и самъ Мнишекъ на долгоросъ послѣ смерти Лжедмитрія; но нельзя вѣрить словамъ его. Эта сказка была повторена потомъ многими иностранцами и до настоящаго времени продолжаетъ смущать лицъ, не сознающихъ, что угличское преступленіе послужило только предлогомъ, а причины русской смуты были болѣе глубокія и преимущественно внутреннія, неповытныя Мнишкамъ, Маржеретамъ и инымъ иноземцамъ.

Между прочимъ въ анонимной брошюрѣ на Латинскомъ языкѣ, вы-

Вишневицкій повѣрилъ, и вѣсть о Московскомъ царевичѣ, чудесно спасшемся отъ смерти, быстро распространилась

шедшей въ 1608 году въ Кельнѣ подъ заглавіемъ „Tragedia Moscovita“ и изданной въ 1901 г. графомъ С. Д. Шереметьемъ на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Московская Трагедія или расказъ о жизни и смерти Димитрія“, о спасеніи царевича разсказывается такъ: „Борисъ былъ почти увѣренъ въ томъ, что власть перейдетъ къ нему, но на пути къ этой власти стоялъ Димитрій, братъ Феодора отъ другой матери, ближайшій и несомнѣнный наслѣдникъ. Убіеніе его онъ считалъ тѣмъ болѣе легкимъ, чѣмъ болѣе удобства представлялъ для козней противъ него, и чѣмъ менѣе имѣлъ защиты его невинный ранній возрастъ. Предназначавшаяся мальчику участь не могла быть скрыта до такой степени, что бы нѣкоторые предвѣстники ея не дошли до свѣдѣнія матери; она извѣстила тотчасъ же одного изъ первыхъ слугъ мальчика—его называютъ гофмейстеромъ,—нѣмца по происхожденію, родомъ изъ окрестностей Кельна, объ опасности и о всемъ планѣ, предполагавшагося убійства. Что было дѣлать этому человѣку, когда опасность была такъ близка, и ничего не было приготовлено, чтобы спастись отъ нея бѣгствомъ или какимъ либо инымъ способомъ? Онъ подготавливаетъ мальчика того же возраста и похожаго на него и кладетъ рядомъ съ спящимъ Димитріемъ; послѣ того, какъ тотъ заснулъ, онъ беретъ Димитрія изъ кровати и переноситъ его въ безопасное мѣсто. Поздно ночью убійцы, введенные Борисомъ врываются въ спальню и умерщвляютъ подосунутаго мальчика; совершивъ злодѣяніе, всѣ они разсѣялись по разнымъ мѣстамъ. Разбуженные шумомъ слуги вбѣжали въ спальню и при видѣ умерщвленнаго ребенка подняли громкій вопль. Когда же на этотъ вопль сбѣжалось много народу и возникло опасеніе, что подосунутый ребенокъ будетъ узнавъ, вышеозначенный нами гофмейстеръ приказалъ безъ замедленія положить трупъ въ гробъ и похоронить безъ всякихъ торжествъ. Между тѣмъ былъ распространенъ слухъ, что Димитрій погибъ отъ чумы, слухъ, который тѣмъ легче помочь скрыть, какъ ночное убійство невиннаго ребенка, такъ и хитрость вѣрнаго слуги, что Москвитяне чрезвычайно боятся всякаго мора. Для того, чтобы болѣзнь не распространилась дальше, всѣ выходы изъ дворца по желанію народа, а также по приказанію Бориса были закрыты; нѣсколько же времени спустя самъ дворецъ былъ преданъ сожженію, такъ какъ Борисъ намѣренно старался усилить страхъ. Вскорѣ послѣ этого умеръ Феодоръ, не оставя потомства, и Борисъ, такъ какъ онъ, по общему мнѣнію довольно мягко и мудро управлялъ государствомъ, былъ назначенъ всеобщимъ голосованіемъ его преемникомъ. Между тѣмъ Димитрій росъ у своего спасителя и воспитателя; такъ какъ онъ однако, узнавъ о своей судьбѣ и своемъ происхожденіи, не считалъ себя въ достаточной безопасности, что скрылся въ монастырь, въ которомъ и провелъ нѣкоторое время въ обществѣ схизматиковъ и невѣжественныхъ монаховъ; при этомъ онъ часто мѣнялъ свое мѣстопребываніе или съ цѣлью не быть узнаваемымъ, или даже для того, чтобы не быть вынужденнымъ постричься. Наконецъ онъ пришелъ съ однимъ монахомъ

между сосѣдними панами. Такимъ образомъ, появился первый самозванецъ Лжедмитрій, то-есть ложный Димитрій.

Лжедмитрій не терялъ времени въ Польшѣ. Ему пришлось бесѣдовать съ католическими монахами, онъ сдѣлалъ видъ, будто бы проникается ихъ вѣрованіями, видитъ заблужденіе православныхъ и, наконецъ, согласился обратиться въ католичество. Это обращеніе много ему помогло: католики обѣщали ему помогать, съ тѣмъ, конечно, чтобы онъ обратилъ всѣхъ православныхъ Московскаго государства въ католичество, когда взойдетъ на престолъ. Польскіе вельможи начали устраивать большія празднества и приемы въ честь Московскаго царевича. У одного изъ такихъ вель-

изъ Кіевской области въ Ливонію и, снявъ съ себя монашеское платье, былъ принятъ въ слуги княземъ Острожскимъ; будучи затѣмъ вскорѣ уволенъ, онъ предложилъ свои услуги въ качествѣ повара, какъ нѣкоторые утверждаютъ, знатному поляку Гойскому и былъ имъ принятъ. Затѣмъ, послѣ того, какъ до его свѣдѣнія дошло, что Борисъ справедливое правленіе превратилъ въ тиранію, онъ рѣшилъ открыть свое происхожденіе и свою судьбу. И такъ онъ обратился къ одному изъ вельможъ, къ нѣкому Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго и изложилъ весь ходъ своей жизни, съ такой точностью, что, указавъ на нѣкоторые знаки и отмѣтины на тѣлѣ, онъ заставилъ большинство повѣрить ему". Далѣе слѣдуетъ рассказъ согласный съ исторіей Лжедмитрія.

Не трудно видѣть, что въ этомъ рассказѣ о спасеніи царевича Димитрія связанъ цѣлый рядъ историческихъ несообразностей и фантастическихъ противорѣчій. Видимо, составитель его не былъ хорошо знакомъ съ событіемъ „Угличскаго убійства“ и слѣдовательно жилъ не въ Россіи.

Что въ Угличѣ несомнѣнно погибъ царевичъ Димитрій—это известно изъ слѣдственнаго дѣла о его смерти. При чтеніи его, какъ мы уже видѣли, ясно обнаруживается, что слѣдствіе ведево неправильно, что нѣкоторые факты предъ нами явно затушевываются, иные изъ нихъ явно скрываются, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, что царевичъ погибъ дѣйствительно, и въ данномъ случаѣ все равно—наткнувшись ли самъ на ножъ, или отъ руки убійцы. Важно только то, что погибшій ребенокъ былъ несомнѣнно царевичъ. Но не одио слѣдственное дѣло убѣждаетъ насъ въ этомъ. Въ 1606 году, по приказанію Василия Шуйскаго было перевезено тѣло царевича изъ Углича въ Москву. Гробъ былъ открытъ для всѣхъ. Свидѣтели очевидцы описываютъ намъ тѣло, лежавшее въ гробу. Со времени смерти царевича не прошло и 20 лѣтъ и могли найтись люди, которые знали царевича и могли обнаружить обманъ. Никогда не рѣшились бы Василій Ивановичъ Шуйскій на такой рискъ, если бы не былъ увѣренъ, что убить именно царевичъ, и что въ гробу будетъ именно его тѣло, а не кого либо другого. Словомъ, въ смерти царевича не можетъ быть никакого сомнѣнія.

можъ, Сандомірскаго воеводы Юрія Мнишка, Самозванцу понравилась дочь—Марина. Онъ рѣшилъ жениться на ней, но свадьба была отложена до его восшествія на престолъ. Въ началѣ 1604 года Мнишекъ повезъ своего будущаго зятя въ Краковъ къ королю Сигизмунду. Вѣрить или не вѣрить для поляковъ было безразлично: имъ выгодно было завести смуту на Руси и тѣмъ ослабить опасное могущество сосѣдняго государства и отомстить Борису, не желавшему признать Сигизмунда наслѣдникомъ шведскаго престола и пытавшему замыселъ на утвержденіе своей власти въ Ливоніи. Пріятно было Сигизмунду также сдѣлать угодное папѣ и могущественнымъ іезуитамъ: отъ распространенія католичества въ Россіи король ожидалъ большихъ выгодъ; но съ другой стороны, онъ опасался нарушить мирныя отношенія съ могущественнымъ Московскимъ государемъ, который въ случаѣ неудачи Отрепьева, могъ жестоко отомстить Польшѣ за пособничество Самозванцу. Посему, когда іезуиты начали хлопотать, чтобы король далъ Самозванцу войско, Сигизмундъ прибѣгнулъ къ хитрости. Онъ призналъ Лжедмитрія Московскимъ царевичемъ негласно, назначилъ ему значительное ежегодное жалованье и дозволилъ Мнишку и другимъ польскимъ панамъ собирать войско изъ охочихъ ратниковъ, которые пристанутъ къ Самозванцу; но это войско должно было идти съ Лжедмитріемъ въ Московскіе предѣлы, какъ будто безъ вѣдома короля, по своей лишь волѣ. Пользуясь такимъ разрѣшеніемъ, Мнишекъ собралъ для Лжедмитрія 1600 человекъ разнаго сброду; но такого безпокойнаго люда было много и въ самомъ Московскомъ государствѣ, особенно по его окраинамъ. Заволновалась Русь; многимъ приходило въ голову, что и въ самомъ дѣлѣ можетъ быть правда, что царевичъ спасся. Говорили объ этомъ въ самой Москвѣ. Царь Борисъ началъ развѣдывать, кто это новый его врагъ и, къ изумленію своему, узнавъ, что это даже извѣстный ему Григорій Отрепьевъ, сосланный имъ въ Кирилловъ монастырь. Царь потребовалъ дьяка Смирнаго и началъ допрашивать, гдѣ сосланный монахъ Отрепьевъ; дьякъ ничего не могъ отвѣтить. Какъ бы не придавая особаго значенія этой вѣсти Смирнаго, Годуновъ приказалъ спустя нѣкоторое время произвѣсти учетъ ввѣренной Смирному дворцовой казны; тогда дьяка

обвинили въ расхищеніи царскаго достоянія и онъ былъ казненъ смертью. Борисъ теперь прямо объявилъ боярамъ, что подтасовка Самозванца ихъ дѣло, и поспѣшно началъ принимать мѣры противъ надвигавшейся грозы. Онъ писалъ королю Сигизмунду, что называющій себя царевичемъ есть попросту бѣглый монахъ, Григорій Отрепьевъ. Видя невозможность скрыть отъ Россіи появленіе мнимаго царевича и, боясь молчаніемъ усилить вредныя толки, Борисъ обнарудовалъ исторію Чудовскаго бѣглеца, дерзнувшаго присвоить себѣ имя Димитрія царевича. Бояре и Патріархъ старались также разсѣять общую молву: Шуйскій съ лобнаго мѣста объявлялъ жителямъ Москвы, что царевичъ погибъ въ Угличѣ, а въ Литвѣ его именемъ называется обманщикъ. Патріархъ Іовъ всенародно проклиналъ Гришку Отрепьева и разослалъ грамоты не вѣрить спасенію Димитрія. Въ то же время въ Московскомъ государствѣ распространились грамоты Самозванца, или, какъ ихъ тогда называли, „преlestныя письма“. Не смотря на пограничныя строгости, письма привлекли къ нему выходцевъ изъ Московскаго государства. По одному извѣстію, около Самозванца еще до похода его на Бориса было уже до 200 Московскихъ людей, которые съѣхались къ нему изъ разныхъ городовъ. Посылалъ Самозванецъ и на Донъ извѣщать о себѣ казаковъ: есть указаніе, что съ такою цѣлію ѣздить, между прочимъ, Свирскій, дѣйствительно служившій Самозванцу, какъ это извѣстно изъ переписки послѣдняго съ Мининомъ.

Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій вступилъ въ русскіе предѣлы; въ самомъ началѣ его похода къ нему явилось казацкое посольство: насчитывая въ своихъ рядахъ до 10.000 человекъ, казаки обѣщались присоединиться къ Самозванцу всею массою. Многіе города стали ему сдаваться, признавая его за своего законнаго государя; одинъ Новгородъ Сѣверскій удержался, защищаемый воеводою Петромъ Федоровичемъ Басмановымъ. Царское войско подъ начальствомъ князя Метиславскаго было разбито. Тогда Борисъ послалъ противъ Самозванца Шуйскаго. На этотъ разъ Лжедимитрій былъ разбитъ и затворился въ Путивлѣ, но къ нему пришли 4000 донскихъ казаковъ. Воеводы московскіе дѣйствовали нерѣшительно, такъ какъ видѣли, что многіе воины сомнѣваются, не сражаются ли они противъ истиннаго царевича.

Тогда Борисъ вынужденъ былъ воздать подобающую честь истинному царевичу, котораго при жизни такъ жестоко унижалъ и преслѣдовалъ: „повелѣ въ соборной церкви въ Москвѣ, также и по всеѣмъ городамъ царства Московскаго въ соборныхъ церквахъ во церковныхъ ибнїяхъ велегласно возглашати *благородному* (а прожде онъ былъ незаконнорожденный) царевичу и великому князю Димитрію Іоанновичу вѣчную память, а растригу, грядущаго къ Москвѣ, проклинати повелѣ“¹⁾. Это было послѣднее и единственно доброе дѣло Бориса въ отношеніи къ царевичу. 13 апрѣля 1605 года онъ вставъ изъ за обѣденнаго стола, почувствовалъ себя весьма дурно, едва успѣлъ поскимиться и умеръ. Оставшіеся вѣрными ему похоронили его съ подобающею царю честью въ Архангельскомъ соборѣ.

Москва присягнула сыну его Теодору. Это былъ прекрасный юноша, получившій къ тому времени образованіе. Но были на Москвѣ и такіе люди, что смущали народъ и кричали: „не хотимъ служить Борисову роду“. На смѣну Шуйскаго, храбраго защитника Новгорода Сѣверскаго противъ Самозванца, юный царь Теодоръ послать съ войскомъ воеводу Басманова. Прїѣхавъ Басмановъ къ войскамъ, увидѣлъ, что многіе и здѣсь чуть не открыто говорятъ, что ихъ заставляютъ сражаться противъ царевича, увидѣвъ, что съ такими войнами не справиться съ Лжедимитріемъ, и рѣшился на измѣну своему царю и сыну своего благодѣтеля. Предъ войсками Басмановъ признавъ Самозванца за истиннаго царевича Димитрія и передался ему. Эта измѣна рѣшила судьбу Лжедимитрія: путь въ столицу предъ нимъ теперь былъ открытъ, и 19 мая онъ двинулся въ Москву. Увлеченный пагубнымъ примѣромъ вождя и войска, народъ оставилъ Теодора и повсюду привѣтствовалъ Самозванца громкими восклицаніями: Да здравствуетъ нашъ государь, Димитрій Іоанновичъ“, 1-го іюня буйныя толпы измѣнниковъ ввели торжественно гонцовъ Самозванца (Пушкипа и Плещеева) въ беззащитную Москву. Гонцы, достигнувъ „Лобнаго Мѣста“, начали читать съ него народу грамоту Лжедимитрія. Въ ней Самозванецъ, рассказывая о своемъ мнимомъ спасеніи, приглашалъ жителей столицы отправить къ

¹⁾ Св. Димитрія Ростовскаго. Четьи-Миней за Іюнь 3 д.

нему посольство съ челобитьемъ; обѣщаль милости и льготы вѣрнымъ своимъ подданнымъ и объявляль прощеніе тѣмъ, которые по невѣдѣнію служили Годунову. Во главѣ посольства должно было стать духовенство. Эти грамоты произвели сильное волненіе; одни кричали: „да здравствуетъ царь нашъ, Димитрій Іоанновичъ“; но другіе сомнѣвались. Народъ волновался. Бояре объявили патріарху о мятежѣ; тотъ заклиналъ выйти къ народу и образумить его: хотя бояре и послушались—вышли на „Лобное Мѣсто“, но въ пользу Θεодора ничего не сдѣлали. Толпы мятежниковъ съ крикомъ: „долой Годуновыхъ“ устремились въ Кремлевскія ворота, которыя не были заперты; вломились во дворъ и дерзостною рукою коснулись того, кому недавно присягали: юнаго Θεодора съ матерью и сестрою схватили и вывели въ прежній Борисовъ боярскій домъ, приставивъ къ нему стражу. Послѣ низложенія Θεодора Борисовича, всѣ жители столицы приведены были къ присягѣ Лжедимитрію. Затѣмъ, 3 іюня, поѣхали къ Самозванцу въ Тулу всѣ знатные люди, чтобы отъ имени Москвы приглашать его на царство. Между ними не было ни патріарха, ни митрополитовъ, ни епископовъ: такъ какъ духовенство не участвовало въ этомъ дѣлѣ. Черезъ нѣсколько дней пришло отъ Лжедимитрія повелѣніе свести съ престола патріарха Іова. Самозванецъ уже готовилъ на его мѣсто архіепископа Рязанскаго, грека Игнатія, который съ самаго появленія обманщика въ предѣлахъ Московскихъ, сталъ на его сторону; встрѣтивъ Лжедимитрія еще въ Тулѣ, Игнатій приводилъ къ присягѣ тѣхъ, которые Самозванца признавали царемъ. Усердные исполнители воли Лжедимитрія съ оружіемъ и дреколіемъ ворвались толпою въ храмъ Успенія Богоматери, гдѣ патріархъ служилъ литургію; недавши ему докончить священнодѣйствіе, они бросились на него и повлекли изъ алтаря. Тутъ престарѣлый и несчастный святитель изъявилъ и смиреніе и твердость: снявъ съ себя панагію и положивъ его къ образу Владимірской Богоматери, онъ воскликнулъ со слезами: „Здѣсь, предъ сею святою иконою, я былъ удостоенъ сана святительскаго и 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры; нынѣ вижу бѣдствіе церкви, торжество обмана и ереси. Матерь Божія!.. спаси и утверди православную вѣру молитвами твоими“. Эти слова еще болѣе озлобили измѣнниковъ; они позорили.

были святителя и съ крикомъ повлекли къ Лобному Мѣсту, гдѣ вскорѣ собралось множество народа. Многіе плакали и, жалѣя патріарха, старались оградить его отъ ярости враговъ; но тѣ старались возбудить противъ него народъ. Они обвиняли первосвятителя въ томъ, что мнимаго Димитрія называетъ „растригою“ и указывали на его богатство. Бросились на патріаршій дворъ и разграбили все имущество Іова. Его самого, одѣвъ въ изорванную монашескую рясу, на простой телѣгѣ отвезли въ городъ Старицу, въ Успенскій монастырь, гдѣ онъ нѣкогда получилъ нѣкоторое начальное образованіе и принялъ постриженіе. ¹⁾

Покончивъ съ патріархомъ, злодѣи 10 іюня устремились къ дому Годуновыхъ и безжалостно умертвили, въ угоду Самозванцу, Θεодора и его мать, объявивъ народу, будто они сами отравились отъ страха. Тѣла ихъ погребли въ убогомъ монастырѣ св. Варсонофія, гдѣ было родовое кладбище семейства Годуновыхъ. Не оставили въ покоѣ даже и тѣло царя Бориса,—вырыли изъ могилы въ Архангельскомъ соборѣ, положили въ простой гробъ и похоронили вмѣстѣ съ женою и сыномъ въ томъ же Варсонофіевскомъ монастырѣ. Только впослѣдствіи въ 1606 году останки Бориса, Θεодора и его матери были перенесены въ Свято-Троицкую Сергіеву лавру, въ которой и погребены около храма Успенія Божіей Матери. Несчастную Ксенію Борисовну оставили въ живыхъ, но не на радость, а на позоръ и горе; ее потомъ постригли въ монахини.

Такъ совершилась казнь Божія надъ убійцею истиннаго Димитрія. „За святую кровь Димитрія Господь отмѣтилъ преступному отцу пролитіемъ такой же невинной крови—говоритъ лѣтописецъ—невинные пали за виновнаго, да страшатся преступники за своихъ близкихъ“.

Послы, отправленные изъ Москвы къ Самозванцу въ гор. Тулу, явились предъ нимъ, чтобы принести повинную и звать его на царство. Лжедимитрій принялъ ихъ на первый разъ сухо, сдѣлавъ имъ замѣчаніе, что казаки и простой народъ предупредили ихъ въ вѣрности и ранѣе отторглись отъ кремльничковъ. Ихъ приводилъ къ присягѣ рязанскій архіепископъ, грекъ Игнатій. 20-го іюня Лжедимитрій вступилъ

¹⁾ Новый Лѣтоп. гл. 105—106.

торжественно въ Москву при звонѣ всѣхъ колоколовъ и радостныхъ восклицанійхъ многочисленнаго множества народа. День былъ тихій и ясный; но когда Лжедимитрій вступилъ на Москворѣцкій мостъ, вдругъ поднялся такой страшный вихрь, что всадники едва усидѣли на коняхъ, пыль взвилась столбомъ и на нѣсколько мгновеній ничего не стало видно ¹⁾. Суевѣрные люди крестились и говорили, что это дурной знакъ. На Лобномъ мѣстѣ встрѣтили новаго государя митрополиты, архіепископы и епископы и весь священный соборъ съ крестами, иконами и хоругвями при пѣніи священныхъ пѣсней. Но въ эту минуту, къ изумленію православныхъ, польскіе музыканты заиграли на трубахъ, застучали въ литавры и заглушили церковное пѣнопѣніе. Это очень оскорбило народъ. Не понравилось также нѣкоторымъ, что ложный царь прикладывался къ образамъ и крестамъ иначе, чѣмъ истые москвичи. Возмущался православный людъ и тѣмъ, что вслѣдъ за царемъ входили въ Успенскій и Архангельскій соборы иновѣрцы, ляхи и венгры, и стояли тамъ не благочинно, не знаменовались крестомъ, не преклонялись предъ иконами. Но все умилилось, когда ложный царь припалъ къ гробу Грознаго и проливалъ обильныя слезы. Затѣмъ, выслушавъ привѣтственную рѣчь протоіерея Благовѣщенскаго собора, Самозванецъ вступилъ во дворецъ, и здѣсь его поздравили бояре и сановники съ новосельемъ.

Надо было доказать Самозванцу, что онъ дѣйствительно Димитрій царевичъ, сынъ Грознаго. Могла это подтвердить царица-мать, инокиня Марѳа Феодоровна. Постращали, припугнули бѣдную инокиню царицу, посадили въ закрытую карету и повезли ее съ мѣста ссылки въ Москву; почетный конвой зорко слѣдилъ, чтобы никто изъ постороннихъ лично не приближался къ каретѣ и не разговаривалъ съ царицей. Лжедимитрій выѣхалъ на встрѣчу и раньше имѣлъ тайное свиданіе съ инокинею. Видно, онъ шибко ее припугнулъ, потому что потомъ при свиданіи при народѣ царица Марѳа признала Самозванца за сына ¹⁾.

¹⁾ Исторія Гос. Росс. Карамзина т. XI, стр. 198.

²⁾ А прислалъ къ намъ своихъ совѣтниковъ,—писала въ грамотѣ своей царица отъ 26 мая 1606 года, а велѣлъ того беречи накрѣпко, чтобы къ

Марѳу Феодоровну помѣстили въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ ее тщательно оберегали отъ постороннихъ лицъ: самъ же Самозванецъ ежедневно навѣщаль свою мнимую мать. 30 іюля новый царь короновался обычнымъ порядкомъ.

Д. Лавровъ.

(Продолженіе будетъ).

намъ никто не приходилъ, и съ намибъ объ немъ никто не разговаривалъ; а какъ велѣлъ насъ къ Москвѣ привести, и онъ на встрѣчѣ былъ у насъ одинъ, а бояръ и иныхъ никакихъ людей съ собой пускать къ намъ не велѣлъ, и говорилъ намъ съ великимъ прещеніемъ, чтобы мыъ его не обличати, претя намъ и всему нашему роду смертнымъ убійствомъ, чтобы намъ тѣмъ на себя и на весь родъ свой злыя не нависти, и посадилъ меня въ монастырь, и приставилъ ко мыъ потомужъ своихъ со-вѣтниковъ и остерегати того велѣлъ накрѣпко, чтобы его воровство было не явно, а для его пристрастья объявити въ народѣ его воровство не смѣла“ Собр. Гос. Грам. 11. 307.